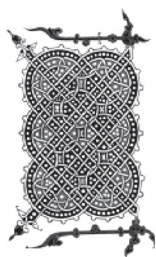

© 2023 А. С. Миронов
Москва, Россия

ВНЕЭСТЕТИЧЕСКАЯ ЖАНРОВАЯ ФУНКЦИЯ БЫЛИНЫ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ МОДЕЛИРОВАНИЯ ИНВАРИАНТА ЭПИЧЕСКОГО СЮЖЕТА

Аннотация. В статье аргументируется, что сводный текст того или иного былинного сюжета может быть составлен на основе его аксиологического анализа. Вопреки распространенному представлению (В. Я. Пропп, Б. Н. Путилов), вариативность русских эпических песен носит ограниченный характер, что определяет их ценностно-семантическую цельность, внутреннюю связность, имеющую, по мнению автора статьи, внеэстетическую функцию: былины были призваны укрепить – или, напротив, девальвировать – определенные ценностные категории в сознании слушателей. Сказанное позволяет вывести аксиологическую формулу для того или иного былинного сюжета и, как следствие, выделить его структурно значимые эпизоды из различных записей (включая записи поздние и фрагментированные), а также составить на основе подобных эпизодов результирующий сводный текст. В качестве примера такого текста приводится сделанная автором статьи реконструкция былинного сюжета «Василий Буслаев и новгородцы».

Ключевые слова: былины, аксиологический анализ, внеэстетическая функция, ценностная доминанта, сводный текст.

Ссылка при цитировании: Миронов А. С. Внеэстетическая жанровая функция былины как основание для моделирования инварианта эпического сюжета // Традиции и современность. 2023. № 34. С.19–41

Миронов Арсений Станиславович (Mironov Arseny Stanislavovich) – кандидат филологических наук, доктор философских наук, ректор Московского государственного университета технологий и управления имени К. Г. Разумовского, эл. почта: arsenymir@yandex.ru ORCID ID <https://orcid.org/0000-0002-4344-6489>

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2023. № 34. С. 19–41

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoroslavie.ru>

УДК – 398.22; 82а-131; ББК – 82.3(2=411.2)-6; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2023-34/19-41>

Сюжеты русского героического эпоса даны нам во множестве вариантов, записанных от разных певцов, при этом ни один из таких вариантов не передает во всей полноте смысл конкретного сюжета. Чтобы получить представление об идейно-художественном замысле той или иной былины (старины), о причинно-следственных связях между ее сюжетными элементами, необходимо ознакомиться со всем корпусом вариантов, в том числе с записями оборванными или дефектными.

Первооткрыватель живого бытования русского героического эпоса П. Н. Рыбников сообщал в письме И. И. Срезневскому о том, что им составлены «своды главнейших былин по всем вариантам», вместе с тем отмечая, что «из этого свода сами собою определяются: значение богатыря, его характер, его роль; позднейшие прибавки, развитие некоторых частных в ущерб целому сами собою отделяются от первоначальных очертаний». Исследователь обещал прислать «своды» первых двух сюжетов и описывал метод их составления: «ничего не прибавляя от себя, я расположу факты, относящиеся до богатыря, сообразно с понятием о нем, которое у меня образовалось при изучении свода вариантов» (Колесни́цкая 1959: 301). Из письма очевидно, что П. Н. Рыбников собирался выслать своему адресату отнюдь не подборку всех записанных им вариантов конкретного сюжета, но уже сведенный из разных записей итоговый текст.

Упомянутые выше «своды» утрачены; сводные тексты былин из дополняющих друг друга фрагментов разных записей все еще не составлены, что весьма затрудняет восприятие обществом эпических смыслов, в частности их актуализацию средствами профессионального искусства. Между тем в современном былиноведении господствует представление о том, что составление для каждого эпического сюжета «идеального» текста, наиболее полно отражающего его исходный замысел, несостоятельно с научной точки зрения.

Скептики разделяют точку зрения В. Я. Проппа, критиковавшего первого русского фольклориста П. В. Киреевского за то, что тот «дополнял пробелы одних текстов соответствующими местами из других, менее удачные места заменял более удачными, то есть составлял некий сводный текст, представляющий, по его мнению, наиболее полную и совершенную форму песни». По убеждению В. Я. Проппа, «такое предприятие лишено какого бы то ни было научного значения» (Пропп 1958: 20).

В. Я. Пропп призывал учитывать все варианты каждого сюжета, потому что «совокупность сопоставляемых текстов всегда полнее каждого из текстов в отдельности», а их сличение позволяет раскрыть «идею, лежащую в основе песни», — «народ-

ный замысел во всей его совокупности и художественной цельности» (Пропп 1958: 22–23). Однако «замысел», по мнению ученого, с течением времени претерпевал изменения в народном сознании, что приводило к отрицанию многих первоначальных его элементов. Если же замысел былины отрицает сам себя и смыслы произведения оказываются инвертированными, то и составление «идеального» текста, моделирующего инвариант, будет «лишено научного значения».

«Исходный замысел», по мнению В. Я. Проппа и его последователей, уже недоступен пониманию самих носителей былинной традиции, его могут восстановить только ученые, изучая эпос в диахроническом аспекте. При этом воспроизвести в виде текстовой модели реконструированные учеными «исходные замыслы» — как правило, связанные с дохристианскими представлениями вроде «основного мифа», культа мертвых, ритуального incesta и обрядов инициации — никто бы не решился: слишком резко характеры и поступки героев таких «восстановленных» былин отличались бы от традиционных, известных по записям XIX–XX вв.

Итак, собственную модель сводного текста «изначальных былин» последователи В. Я. Проппа не предлагают; более того, сама возможность создать такой текст заранее ими отрицается — как якобы противоречащая принципу вариативности фольклора. При этом бездоказательно утверждается, что замысел каждого сюжета раскрывается не просто во множестве вариантов, но непременно — в *неограниченном* их множестве, включающем противоположные по смыслу «редакции» или «варианты реализации» (Путилов 1994: 194). Так, видный последователь В. Я. Проппа Б. Н. Путилов утверждал, что эпическое творчество не только «дополняет первоначальный замысел», но и «отчасти отменяет его» (Путилов 1986: 38).

В соответствии с первым законом логики, если каждая былина раскрывается в неограниченном множестве смыслов, то все эти смыслы по сути тождественны друг другу. Если каждый из былинных «замыслов» не содержит в себе ничего, ограничивающего варианты его реализации, то содержательные границы между «пучками вариантов» разных былинных сюжетов должны со временем стереться.

Принимая предположение о «неисчерпанности вариантов реализации» каждого былинного «замысла», мы должны допустить, что, например, сюжет о первой поездке Ильи Муромца должен в какой-то момент «обогащаться» вариантом, отменяющим исходный смысл былины. В таком варианте Илья, логично предположить, убивает князя Владимира и, женившись на княгине Апраксии, остается править в Киеве. Подобный вариант сюжета перестанет

существенно отличаться от финала песни о Волхе Всеславьевиче, убившем Индейского царя и присвоившем его жену.

Между тем все известные факты свидетельствуют о том, что вариативность русских эпических сюжетов строго ограничена. Так, ни в одном из множества вариантов Садко не остается жить в Подводном («Поддонном») царстве, наслаждаясь богатством и любовью дочери Морского царя и забыв при этом о своей жене, ждущей его в Новгороде. Аналогичным образом нет вариантов, в которых Алеша Попович, убив Змея Тугарина, занимает освободившееся место фаворита киевской княгини. И никто из русских сказителей, насколько можно судить по имеющимся записям, не пропел о том, как былинный Добрыня изменяет своей жене Настасье с красавицей Забавой, освобожденной им из змеиного плена.

Итак, знакомство со всеми известными науке былинными записями убеждает нас в том, что вариативная ограниченность эпического замысла есть особенность старины как фольклорного жанра. С нашей точки зрения, та сила, которая эффективно «сдерживает» творческие новации певцов, является внешней по отношению к художественной стороне эпического творчества. Мы говорим о внеэстетической жанровой функции былины, которая заключается в способности сказителя воздействовать предсказуемым образом на структуру «ценностного центра» (Бахтин 2002: 56) своих слушателей.

В русских былинах поступки действующих лиц, направленные на достижение ценностей нехристианского эпического сознания – личной славы (молвы) и личной имущественной чести (почестей, даров, добычи)¹, – в подавляющем большинстве случаев² влекут за собой дурные для персонажей последствия. Как логично предположить, это приводило к девальвации указанных ценностей в сознании слушателей.

Напротив, к благим для былинных персонажей последствиям приводят поступки, вызванные тем, что герои высоко ценят («держат в чести») Божьи установления («веру русскую», православные святыни, «закон Божий», «правду-истину», «честное вдовство», «честное девичество», сиротство, нищенство «Христа ради» и др.), а также стремятся совершать бескорыстные подвиги, направленные на защиту страдающего человека³.

Таким образом, былины способны подавлять в сознании слушателей эгоистические ценности личной славы, личной имущественной чести, гнева и мести – все то, что А. А. Ухтомский называл «доминантами на свое лицо» (Ухтомский 1997: 170, 234–235; 2002). Одновременно опытный певец имел возможность, учитывая социальный статус слушателя, род его занятий, пол и возраст, подобрать из

«арсенала» былинных сюжетов именно тот, который способствовал утверждению в ценностном центре реципиента альтруистической доминанты – «доминанты на лицо другого»⁴.

Содержание каждого «веера смыслов», ассоциируемого с отдельным эпическим сюжетом, уникально и не сливается с другими именно потому, что каждый былинный сюжет имеет собственный неповторимый «профиль» ценностно-корректирующего воздействия. Изначальный замысел эпического сюжета раскрывается в многообразии только тех вариантов, смысл которых соответствует его неповторимой внеэстетической функции и позволяет этой функции реализоваться.

Если же созданный певцом вариант содержал смыслы, которые затрудняли требуемое воздействие на слушателя в конкретных обстоятельствах фольклорной коммуникации, то такой вариант, будучи непригодным к использованию другими певцами, естественным образом выпадал из «арсенала» сюжетов. Он не мог быть воспринят традицией и потому должен быть исключен исследователями из «веера реализаций», ассоциируемых с тем или иным былинным сюжетом.

Например, шенкурский вариант былины о первой поездке Ильи Муромца⁵, в котором богатырь, напившись на княжьем пиру, начинает до смерти избивать плетью гостей киевского правителя и затем исчезает, как призрак, не соответствует внеэстетической функции рассматриваемого сюжета. Эта функция заключается в утверждении ценности богатырской силы («талана-участи») как бескорыстного служения «чтимым реалиям», в число которых входит законная власть, законный брак, «честные столы» (напоминающие о Тайной вечери) и др. Рассматриваемый вариант отнюдь не раскрывает новых смысловых оттенков сюжета, но наносит ущерб традиционному образу главного героя – и, как следствие, должен быть признан испорченным.

Фиксируя несоответствие ценностного «кода» отдельного варианта жанровой функции сюжета в целом, исследователь получает надежное, на наш взгляд, основание для отнесения такого варианта к числу нетрадиционных, фальсифицированных или отражающих возвратное влияние на былинку литературных богатырских сказок, лубочных «повестей в лицах» и других позднейших переложений. Раскрывая для каждого сюжета его ценностно-корректирующую функцию, мы находим критерий для отбора функционально значимых вариантов. При этом фрагменты соответствующих записей могут быть сведены в текстовую модель функционально-сюжетного инварианта.

Необходимая для моделирования подобного инварианта «формула» ценностно-корректирующей

функции отдельного сюжета может быть выявлена в результате аксиологического анализа. Отправной его точкой является представление о протагонисте героических песен как о деятеле, поступок которого всегда указывает на предельную ценность национального эпического сознания. Поскольку герой эпоса всегда наделен неким особым даром (физической силой или хитроумием, умением колдовать и т. д.), его существование мыслится и певцом, и слушателями как имеющее большую ценность, чем жизнь обычного человека. Готовность же героя рисковать своей жизнью указывает слушателю на исключительную (предельную) ценность того начала, к обладанию которым герой стремится. Сам же поступок (подвиг) предстает в этой связи как акт «обмена» неприемлемого для героя «бытия-без-ценности» на новое бытие, в котором он обладает искомой аксиологической категорией.

Слушатель былины сначала оценивает мотивацию богатыря, его ценностный выбор и сам поступок, а затем – сопереживает герою, когда узнает о последствиях совершенного им деяния. Соответственно, аксиологический анализ сюжетных вариантов должен включать в себя следующие обязательные этапы:

1) определение исходного ценностного статуса героя в его начальном аксиологическом («возрасте», то есть в состоянии до поступка (подвига, предполагающего готовность «обменять» собственную жизнь на некую предельную ценность), – какими ценностями обладает герой изначально и фиксируется ли певцом «недостаток» той или иной ценности?

2) выявление конкурирующих ценностей, задающих ситуацию ценностного выбора;

3) определение той предельной ценности, на которую герой готов обменять свое изначальное «бытие-без-ценности» и которая побуждает его действовать с риском для жизни;

4) определение того, какой характер носят последствия совершенного поступка (благими последствиями, очевидно, являются те, которые привели к обладанию искомой ценностью; дурными же – те, которые не привели к подобному обладанию, но предполагают утрату персонажем свободы, жизни или его героического статуса, понятого как способность применять свою чудесную силу);

5) выявление того, как изменился «курс» ценности, предпочтенной героем в ситуации аксиологического выбора, с учетом наступления для самого героя благих или же дурных последствий – укрепились ли доминанта его «ценностного центра» или, напротив, произошла ее деконструкция?

Чтобы вывести ценностный код того или иного инварианта, необходимо сверить данные,

полученные на основании всех известных науке версий этого сюжета. Предварительные результаты свидетельствуют, что ценностно-корректирующее воздействие, производимое на слушателя при исполнении разных вариантов одного и того же былинного сюжета, является в подавляющем большинстве случаев идентичным либо дополняющим – невзирая на частные различия в структуре мотивов. Более того, элементы функционального инварианта, как правило, сохраняются в контаминированных и незавершенных версиях. При этом записи, производящие на «ценностный центр» слушателя обратный эффект, исключаются из списка источников, привлекаемых нами для составления сводного текста.

Ниже приводится пример аксиологического анализа былины «Василий Буслаев и новгородцы». Для того, чтобы описать функционально-аксиологический «код» этого сюжета, мы будем пользоваться следующими условными обозначениями:

Личная слава (также молва, известность; греч. *κλέος*) – предельная ценность эпического сознания для многих народов мира, имеющая нематериальный характер и побуждающая современников и потомков помнить об удивительных событиях, которые связаны с именем конкретного героя – К.

Способы достижения славы эпическим героем различны:

- «воспетый» – K_1 ;
- «доказавший первенство в своем искусстве» – K_2 ;
- «смело преступивший закон, положенный смертным» – K_3 ;
- «добившийся от врагов материальной компенсации за бесславие или бесчестие» – K_4 ;
- «обесславивший врагов удивительным образом» – K_5 ;
- «казнивший врагов удивительным способом» – K_6 ;
- «добывший удивительное имущество» – K_7 ;
- «отнявший (ценное) имущество у прославленного врага» – K_8 ;
- «победивший удивительного врага» – K_9 ;
- «победивший властителя» – K_{10} ;
- «победивший вражеское войско или враждебно настроенное сообщество» – K_{11} ;
- «добывший удивительную или недоступную красавицу» – K_{12} ;
- «заполучивший чужую удивительную или недоступную невесту или жену по ее доброй воле» – K_{13} ;
- «нескверный, праведный» – K_{14} ;
- «нарушивший законы природы или богов» – K_{15} ;
- «стяжавший бессмертие» – K_{16} .

Общая, коллективная слава всего национально-богатырства как молва о сообществе героев, совершающих удивительные деяния (в том числе – в русском эпосе – своего рода «грозная известность»,

удерживающая иноземных властителей от вторжений на Русь), складывающаяся из сообщений о подвигах, исполняемых не в личных интересах эпического персонажа, но бескорыстно, по велению сердца, во славу Божию (греч. *Δόξα*) – Δ .

Личная честь (греч. *τιμή*) – личный «рейтинг» обладателя ценного имущества (а также материально-знаковых благ), который увеличивают трофеи, почести и дары властителей, полученные персонажем в качестве платы за совершенные им подвиги – $\tau(K)$. Слагаемые личной чести таковы:

- достойный предок – $\tau_1(K)$;
- достойный сородич – $\tau_2(K)$;
- достойное положение в сообществе (особое место коня у коновязи, почетное место самого героя на пиру и т. д.) – $\tau_3(K)$;
- яства как почести – $\tau_4(K)$;
- питания как почести – $\tau_5(K)$;
- услаждение музыкой – $\tau_6(K)$;
- любовные ласки как почести – $\tau_7(K)$;
- особо ценный или чудесный конь – $\tau_8(K)$;
- особо ценный, необычный или прославленный доспех – $\tau_9(K)$;
- особо ценное, необычное или прославленное оружие – $\tau_{10}(K)$;
- знамя как почетный символ – $\tau_{11}(K)$;
- богатое жилище, блестящая свита – $\tau_{12}(K)$;
- слуга, подчиненный – $\tau_{13}(K)$;
- табуны, корабли, уделы, угоды – $\tau_{14}(K)$;
- золото, драгоценные украшения – $\tau_{15}(K)$;
- дружина – $\tau_{16}(K)$;
- красавица (любовница, наложница или жена) – $\tau_{17}(K)$;
- достойный наследник – $\tau_{18}(K)$;
- власть – $\tau_{19}(K)$.

Честь другого – честь внешней по отношению к герою реалии: святыни, чтимого и защищаемого общественного института или Божьего установления на земле – $\tau(\Delta)$. Следующая система обозначений позволяет учесть, какая именно реалья почитается персонажем:

- «честной стол», трапеза, хлеб, вино – $\tau_1(\Delta)$;
- спящий человек – $\tau_2(\Delta)$;
- нищий (нищенство) – $\tau_3(\Delta)$;
- «сирота маломоженная» (сиротство) – $\tau_4(\Delta)$;
- «честная вдова» (вдовство) – $\tau_5(\Delta)$;
- «честная девица» (девичество) – $\tau_6(\Delta)$;
- мать, дитя (материнство) – $\tau_7(\Delta)$;
- обрученица, обручник (обручение) – $\tau_8(\Delta)$;
- побратим, крестный (побратимство, крестное родство) – $\tau_9(\Delta)$;
- «честь-хвала богатырская» (богатырство) – $\tau_{10}(\Delta)$;
- законная власть – $\tau_{11}(\Delta)$;
- законный брак (как церковное таинство) – $\tau_{12}(\Delta)$;
- церковная служба, пение, колокольный звон – $\tau_{13}(\Delta)$;

- святыне иконы, святыне мощи – $\tau_{14}(\Delta)$;
- святыне отцы – $\tau_{15}(\Delta)$;
- «Божья церковь», «Божий монастырь» – $\tau_{16}(\Delta)$;
- «вера русская» – $\tau_{17}(\Delta)$.

Сила – «талант», способность совершать поступки (греч. *ἐνέργεια*), понимаемая как личное (природное или приобретенное) право на личную же честь и личную славу – $\varepsilon(K)$. Разновидности эпической силы суть следующие:

- врожденная телесная сила – $\varepsilon_1(K)$;
- красноречие, «вежество» – $\varepsilon_2(K)$;
- красота, очарование – $\varepsilon_3(K)$;
- богатство – $\varepsilon_4(K)$;
- талант зодчего – $\varepsilon_5(K)$;
- мастерство наездника – $\varepsilon_6(K)$;
- меткость – $\varepsilon_7(K)$;
- умение играть на музыкальных инструментах – $\varepsilon_8(K)$;
- умение играть в шахматы или в карты – $\varepsilon_9(K)$;
- ловкость, быстрота, смелость, «ухватка» – $\varepsilon_{10}(K)$;
- владение ворожкой и колдовскими «хитростями»; оборотничество – $\varepsilon_{11}(K)$;
- мудрость, хитроумие, умение отгадывать загадки – $\varepsilon_{12}(K)$;
- стойкость, неустрашимость, выдержка – $\varepsilon_{13}(K)$;
- могучий слуга, подчиненный или помощник – $\varepsilon_{14}(K)$;
- могучий родич, побратим или крестный – $\varepsilon_{15}(K)$;
- дружина – $\varepsilon_{16}(K)$;
- трансцендентный покровитель (святой или демон) – $\varepsilon_{17}(K)$;
- волшебная или харизматическая сила – $\varepsilon_{18}(K)$.

Сила – «талант», способность действовать – понимаемая как призвание к служению и бремя ответственности за применение полученного свыше дара – $\varepsilon(\Delta)$.

Наконец, ключевой инструментальной ценностью эпического сознания является *героический гнев*. *Гнев условно «языческий»* – это переживание бесславия или желание еще большей личной славы, заставляющее героя совершать поступки для распространения молвы о себе самом (др.-греч. [в частности у Гомера] *μῆνις*) – $\mu(-K)$. *Гнев как реакция на личное бесчестие или недостаточное, по мнению героя, чествование его властителем или обществом* (то есть чествование, не соответствующее высокому уровню его силы) – $\mu(-\tau K)$.

Гнев праведный (в былинах – «сердце богатырское», «обида») как переживание бесчестия, нанесенного другому – страдающему существу (греч. *θυμός*), благородная ярость, связанная с чувством сострадания, побуждающая совершать подвиги не в личных интересах, но зачастую вопреки им, по велению сердца, во славу Божию – $\theta(-\Delta)$. *Гнев как благочестивая ревность о чести святыни, побуждающая защищать ее с риском для собственной жизни* – $\theta(-\tau\Delta)$.

Проанализировав по изложенному выше плану былинный сюжет «Василий Буслаев и новгородцы», мы получаем следующие результаты.

1) Исходный *ценностный статус героя в его начальном «аксиологическом возрасте»*. Герой обладает наследуемой родовой честью $\tau_1(K)$. Герой наделен врожденной физической силой $\varepsilon_1(K)$. Герой использует силу и добивается личной славы $+K_3$ (увечья, нанесенные сверстникам). Герой подвергается бесчестью со стороны новгородцев (угрозы изгнать его или казнить) $-\tau_3(K)$. Бесчестье вызывает гнев героя и желание мести $+\mu(-\tau_3(K))$.

2) *Конкурирующие ценности, задающие ситуацию аксиологического выбора*. Ценность личной чести $\tau(K)$ успешно конкурирует с Δ – ценностью страдающего человека (изувеченные дети). Ценность силы как права на личную честь $\varepsilon(K)$ полностью вытесняет из сознания героя концепт богатирской силы как миссии служения $\varepsilon(\Delta)$.

3) *Предельная ценность, на которую герой готов обменять свое изначальное «бытие-без-ценности» и которая побуждает его совершить поступки с риском для жизни*. Личная честь $\tau(K)$. Ее недостаток в результате бесчестья $-\tau_3(K)-\tau_1(K)$ делает жизнь героя невыносимой. Герой намерен восстановить личную честь за счет новгородцев. Он ценит личную честь выше «честных» реалий – статуса крестового брата, статуса крестного отца $\tau_9(\Delta)$ – и выше страдающего человека Δ .

4) *Последствия поступка, совершенного героем, и их характер*. Последствия благоприятны для героя. Ставка на силу как личное право $\varepsilon_1(K)$ оказывается выигрышной, герой компенсирует личное бесчестье (попытку изгнать его из города, угрозы, нанесение ущерба ценной «собственности» – его «дружинушке хороброй»). Более того, будучи одержим героическим гневом $\mu(-K_4)$, персонаж совершает поступки, гарантирующие ему славу-молву (убийство крестного отца, сопровождаемое кощунственным христосованием). Победа, одержанная над целым городом, и удивительная форма компенсации ущерба (засыпанная золотом палица героя) также обеспечивают ему личную славу K_4 .

5) *«Курс» мотивирующей ценности с учетом последствий поступка, совершенного героем; структурные изменения в ценностном центре героя и слушателя*. Мотивирующая ценность – личная честь $\tau(K)$ – укрепляется. Инструментальная ценность силы как личного права $\varepsilon(K)$ – возрастает. Новая доминанта: добыв личную честь, герой стремится к личной славе K_3, K_{15} – именно ее он и будет добиваться во второй части эпического диптиха (сюжет «Паломничество Василия Буслаева»).

С нашей точки зрения, внеэстетическая функция первой песни о Василии Буслаеве заключается в том, чтобы показать слушателю, что герой, использующий свой талант исключительно для стяжания личной чести в ущерб другим людям и потому не ведающий сострадания и не почитающий Божьи установления на земле, сначала может добиться успеха и даже великой славы. Таким образом, ценностно-корректирующая функция рассматриваемого сюжета заключается в подготовке к последующей девальвации аксиологической категории личной славы, которая осуществляется во втором сюжете диптиха, описывающем паломничество. Иными словами, русское эпическое сознание возводит своего героя на вершину славы, чтобы показать его падение во второй части диптиха. В конце сюжета о богомолье Василия Буслаева протагониста ждет бесславный конец: он совершает кощунства, чтобы добиться еще большей персональной известности – и погибает бесславно, так и не совершив великого подвига (в частности, в одном из вариантов былины поется о том, что Василий отказывается освобождать Иерусалим от осадившей его «темной силы»). Таким образом, ценности личной славы, личной чести и силы как личного права во второй части диптиха оказываются полностью девальвированными.

Формула, по которой может быть выстроена текстовая модель, отражающая функциональный инвариант сюжета о бое Василия Буслаева с новгородцами, такова:

$$\begin{aligned} &\tau_1(K) + \varepsilon_1(K) - \Delta + K_3 - \tau_3(K) - \tau_1(K) + \mu(-\tau_{3+1}(K)) + \varepsilon_{11}(K) + \\ &\varepsilon_{16}(K) + \tau_{16}(K) - \tau_3'(K) + \tau_3(K) + \tau_5(K) - \tau_{16}(K) + \mu'(-K) \\ &\tau_{16} - K_4 + \mu(-K_4) + K_4 - K_4' + \mu''(-K_4') + \varepsilon_1'(K) + K_4' - \tau_9 \\ &(\Delta) - K_4'' + \mu'''(-K_4'') + \varepsilon_1''(K) + \varepsilon_1'''(K) + K_4'' - \tau_{9+17} \\ &(\Delta) + K_3 = +\tau_{15}(K) + K_4 + K_{11} \end{aligned}$$

Первые 11 элементов приведенной формулы отражают ценностный аспект бытия протагониста до его главного героического поступка (вызова, брошенного им Новгороду); это:

$\tau_1(K)$ – наследуемая личная честь: чествуемые, богатые предки (покойный отец и богатая мать);

$\varepsilon_1(K)$ – ценность врожденной физической силы;
 $-\Delta$ – отвергаемая ценность страдающего человека (изувеченные дети);

$+K_3$ – ценность личной славы (молва о ребенке, преступившем закон);

$-\tau_3(K)$ – личное бесчестье (требование покинуть Новгород);

$-\tau_1(K)$ – родовое бесчестье (требование, обращенное к матери протагониста и предписывающее ей также покинуть Новгород);

$+\mu(-\tau_{3+1}(K))$ – героический гнев, вызванный ущербом личной чести (то есть попыткой лишить

героя и его мать занимаемого ими места в новгородском сообществе);

$+ε_{11}(K)$ – ценность колдовских навыков (умение «подхватывать» пули и «заговаривать» черленый вяз);

$+ε_{16}(K)$ – ценность дружины (как начала, определяющего силу самого героя);

$+τ_{16}(K)$ – приращение личной чести (обладание дружиной);

$-τ_3'(K)$ – повторное личное бесчестие (отказ в приглашении на пир).

Следующая группа элементов (до знака равенства) – ценностный код поступка, совершенного героем; а точнее, целой серии поступков, преследующих единую цель $+τ_{15}(K)$ – получить золото от новгородцев в возмещение ущерба, причиненного личной честью Василия:

$+τ_3(K)$ – силой добытая честь (место на пиру);

$+τ_5(K)$ – силой добытая честь (пития);

$-τ_{16}(K)$ – личное бесчестие (ущерб, причиненный ценной «собственности» героя: его дружине);

$+μ'(-τ_{16}(K))$ – героический гнев, вызванный недостатком личной чести (ущербом, нанесенным дружине);

$-K_4$ – попытка личного бесславия (упрек «женщины снаряжной» в трусости/неспособности добиться от врагов платы за причиненное бесчестие);

$+μ'(-K_4)$ – героический гнев, вызванный попыткой «женщины снаряжной» обесславить Василия;

$+K_4$ – компенсация ущерба личной славе – месть «женщине снаряжной»: герой публично бесславит ее;

$-K'_4$ – попытка личного бесславия (заявление крестового брата о неспособности героя добиться от врагов компенсации за бесчестие);

$+μ'(-K'_4)$ – героический гнев, вызванный попыткой бесславия со стороны крестового брата;

$+ε'_1(K)$ – физическая сила, позволяющая убить крестового брата;

$+K'_4$ – компенсация ущерба личной славе – месть крестовому брату: его убийство;

$-τ_9(Δ)$ – отрицаемая ценность внешней реалии (крестового брата);

$-K''_4$ – попытка личного бесславия (заявление крестного отца о неспособности героя добиться от врагов платы за бесчестие);

$+μ'(-K'')$ – героический гнев, вызванный попыткой бесславия со стороны крестного отца;

$+ε''_1(K)$ – физическая сила, позволяющая герою убить крестного отца;

$+ε'''_1(K)$ – физическая сила, позволяющая герою в одиночку победить новгородцев;

$+K''_4$ – компенсация ущерба личной славе – месть крестному отцу: его убийство;

$-τ_9(Δ)$ – отрицаемая ценность внешней реалии (крестного отца);

$-τ_{17}(Δ)$ – отрицаемая ценность «веры русской»

(кошунственное глумление над пасхальным приветствием);

$+K_3$ – личная слава-молва о герое, преступившем закон, положенный всем смертным (то есть совершившем кошунственное христосование).

Наконец, после знака равенства указаны новые ценности, которыми обладает протагонист после серии своих героических поступков:

$+τ_{15}(K)$ – ценность добытой личной чести – золота, полученного Василием от новгородцев;

$+K_4$ – личная слава-молва о добившемся от врагов компенсации за бесславие или бесчестие;

$+K_{11}$ – личная слава-молва о победившем враждебно настроенное сообщество.

Подавляющее большинство известных науке записей былины о Василии Буслаеве и новгородцах не содержит иных элементов ценностного кода, помимо представленных выше. Даже поздние, неоконченные варианты, в которых певцы забывали многие детали, сохраняют отдельные элементы исходного кода. Таков вариант, записанный от А. С. Калитиной на Кенозере в 1958 г.: главный герой не увечит сверстников и не получает угроз от их родителей, но по доброй воле устраивает пир для новгородцев, «чтобы жили мужики, лиха не думали»⁶, однако приглашенные решают разграбить его дом. Несмотря на то, что начальные элементы сюжета в этом варианте сокращены, мотивация протагониста остается неизменной: Василий переживает личное бесчестие (ущерб имуществу) и испытывает в связи с этим героический гнев.

Исключением является вариант, записанный от И. Я. Гусева в Петербурге в 1871 г.⁷, в котором исследователи обнаруживали немало отступлений от традиции⁸. С нашей точки зрения, таким отступлением следует признать не то, что в былине действует «грозный царь Иван Васильевич», но изменение мотивирующей ценности: герой не мстит новгородцам, однако с самого начала желает власти. В этом случае отсутствует ключевой элемент функционального инварианта – месть за личное бесчестие, предполагающая гнев и желание компенсировать нанесенный ущерб. Кроме того, утратив представление о доминирующей роли гнева в характере героя, исполнитель искажил и важнейшую в функциональном плане сцену столкновения Василия со старцем (у И. Я. Гусева старец превращается в «дядюшку родных»⁹ и без труда унимает богатыря).

Запись, сделанная Д. М. Балашовым в 1964 г. в Усть-Цильме от В. И. Лагеева, является замечательным примером того, как русское эпическое сознание воспринимало литературные переложения оригинальных былин, – переложения, в которых исходные мотивации героев были искажены согласно индивидуально-авторскому замыслу.

Сюжет о бое Василия Буслаева с новгородцами не был популярен на Печоре (известно всего 6 записей, из них 2 отрывочные). Вариант В. И. Лагеева, грамотного и весьма начитанного крестьянина, содержит некоторые словесные формулы из записи Кириши Данилова, но еще больше «цитат» из литературной богатырской сказки В. А. Левшина «Повесть о сильном богатыре и старославенском князе Василии Буслаеве» (Левшин 1783: 3–30)¹⁰.

В авторском тексте В. А. Левшина протагонист – юный наследник новгородского князя – подавляет восстание «черни», организованное коварными посадниками. При этом автор литературной сказки открыто симпатизирует Василию Богуслаевичу; в частности, у В. А. Левшина главный герой не убивает крестного отца и не кощунствует, произнося пасхальное приветствие в момент нанесения смертельного удара.

В сказке В. А. Левшина новгородцы выступают против Василия отнюдь не потому, что тот увечит их детей: сказка «забывает» про эту сюжетную деталь. Не жажда мести движет новгородцами (как в былине), но желание лишить героя власти, воспользовавшись смертью его отца и слабостью юного наследника: «Не стало князя в нашей области: Богуслай оставил нам мало детище; мы правим всю землю Русскою!» (Левшин 1783: 11). В сказке противников богатыря тревожат не столько его «шуточки», сколько набор дружины, благодаря которой герой получит возможность приобрести власть над городом.

У В. И. Лагеева сохранены некоторые особенности левшинского сюжета (так, посадники подозревают главного героя в намерении лишить их власти; именно крестный отец Василия предлагает напоить своего крестника на пиру). Однако эпический певец не принимает авторские новации В. А. Левшина, связанные с ценностями, мотивирующими действующих лиц.

Так, у В. И. Лагеева главный герой хотя и угрожает во хмелю захватом власти («А за мною ведь быть всему дак Нову городу»¹¹), однако, одержав победу, не становится князем, довольствуясь тем, что новгородцы возмещают ущерб, нанесенный его личной чести:

И мужики ти ле тут дак новгородский
Ах с Василиём тепере да помирился,
Помирился с Васильём и покорился,
А и стали платить ему со хлебника,
А и стали платить дак со колачника,
А еще платить ему стали да дани-выходы¹².

В финале былины В. И. Лагеев пользуется формулой, заимствованной им, вероятно, у Кириши Да-

нилова: протагонист заставляет недругов заключить с ним мир, налагает на них унизительную дань, но не принимает верховную власть, как делают это герои других былин: Волх Всеславович – в Индейском царстве, Вавила – в Инишшом, а Михайло Потык – в Афромеевом. Сказывая про Василия, певец не использует *locus communis* о воцарении героя (формула «царем насел») потому, что не захват власти был с самого начала целью протагониста.

У В. А. Левшина снята эпическая мотивация центрального персонажа – Василий не стремится восстановить личную честь после обиды, нанесенной ему новгородцами; он устраивает побоище, чтобы подавить мятеж и стать законным правителем. Сказитель, напротив, делает акцент на личной чести героя и его личной славе: Василий у В. И. Лагеева желает не воцариться, но прославиться. Заметим, что стремление к власти было хорошо понятно представителю русского образованного общества XVIII в., к которому принадлежал сам В. А. Левшин¹³. Неудивительно поэтому, что у последнего протагонист действует не как эпический герой, жаждущий личной славы, но как расчетливый политик эпохи Просвещения, который накапливает силы для вооруженного переворота.

Аксиологический код левшинского сюжета в упрощенном виде может быть представлен следующей формулой:

$$\tau_1(K) + \tau_{19}(K) + \varepsilon_1(K) - \Lambda + K_3 - \tau_{19}(K) + \varepsilon_{16}(K) + \tau_{16}(K) - \varepsilon_{16}(K) = \tau_{19}(K) + K_{11}$$

Здесь мы обнаруживаем элементы, не входящие в состав функционального эпического инварианта: $\tau_{19}(K)$ – предельная ценность власти; $-\varepsilon_{16}(K)$ – отрицательная ценность дружины (у В. А. Левшина дружинники не принимают участия в бою). В то же время утрачены следующие элементы оригинального ценностного кода:

$-\tau_3(K) - \tau_1(K)$ – бесчестие героя (попытка изгнать протагониста и его матушку или угрозы лишить Василия жизни);

$+\mu(-\tau_{3+1}(K))$ – героический гнев, вызванный бесчестием;

$-\tau_{16}(K)$ – личное бесчестие (ущерб, причиненный ценной «собственностью» главного героя – его дружине);

$+\mu'(-\tau_{16}(K))$ – героический гнев, вызванный ущербом, нанесенным дружине, как «собственности» протагониста;

Из сказанного следует, что ценностно-корректирующий эффект литературной сказки В. А. Левшина мог заключаться в укреплении аксиологических категорий власти (в качестве предельной ценности) и физической силы (в качестве ценности инструментальной). Такой подход не был при-

нят В. И. Лагеевым, который, вне всякого сомнения, был знаком с левшинским текстом, однако, создавая собственный вариант, восстановил ценностный код оригинальной былины. Печорский певец реабилитирует осмеянную В. А. Левшиным «дружинушку хоробрую», а главное – «исцеляет» протагониста от мелочного, по былинным понятиям, властолюбия, возвращая ему такие качества, как героический гнев и страстное желание личной славы.

В результате даже эта поздняя запись от певца, испытавшего очевидное влияние литературной сказки, может быть частично использована при составлении текстовой модели функционального варианта.

Проект сводного текста рассматриваемого сюжета представлен ниже.

ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВ И НОВГОРОДЦЫ

Во славном во Нове-городе
Жил Буслав девяносто лет;
Живучись Буславьюшко не старился,
Поперёк дорожки не ставился...
(Калика из Красной Ляги 1862: 201).

Со Новым-городом не спаривал,
Со Опсковым он не вздоривал,
А со матушкой Москвой не перечился.
Живучись, Буславьюшка преставился,
Оставалось у Буславья чадо милое,
Молодой Васильюшка Буслаевич
(Шальский лодочник 1861: 344).

Да при смертоцьке Буславьюшко наказывал,
Он своей-де жены да наговаривал:
«Уж ты ой еси, моя да молода жена!
Молода моя жена, да дорога семья!
Когда будет-то моё чадо на возрасте,
Быв ясён-то сокол будёт на возлете,
Ище станет-то Васильюшко конём владать,
Да конём-де владать, копьём шурмовать,
Пусть не дёржит Василей всё сто рублей,
Пусть не дёржит Василей целой тысячи –
Пусть-ко дёржит Василей у ся сто друзей,
Еще сто же друзей, да сто приятелей,
В Ерусалим-град ходит Богу молитися,
Ко Христовой гробнице приложитися,
Да в Ердан-то реки пусть не купается,
Не купается в реки — пусть оmyвается:
Да купался-крестился там Иисус Христос;
Да свезёт пусть положеньицо великого,
Да не мало-ле, не много — сорок тысящей».
Да покался Буславей, тут преставилсэ
(Шальков 1904: 297–298).

Оставалась у Буслава молода жена,
Молода жена да нынче беременна,
Чесна вдова Авдотья Васильевна¹⁴,
Родила она младого отрока,
Да младого Василья Буслаевича.
Да стал-то Василий лет пяти-шести,
Отдавала его мать учителю,
Учиться ученье всяко мудроё,
Писать да читать скоро азбуке. <...>
Да того Василью ученье мало можитце...
(Антонов 1938: 186–187).

Как ведь скоро Васильюшко да научилсэ-то.
Иише стал он на улоцьку похаживать;
Он дворяньскими забавами да забавляйтсе, –
Малых деточок на улки пообиживат...
(Крюкова 1901: 261).

Отдавала петью́ учить церковному,
Петьё Василью в наук пошло.
А и нет у нас тако́ва певца́
Во славном Нове-городе
Супротив Василья Буслаева.
Поводился ведь Васька Буслаевич
Со пьяницы, со безумницы,
С веселыми удалами добрыми молодцы,
Допьяна уже стал напиватися,
А и ходя в городе, уродует:
Которова возьмет он за руку, –
Из плеча тому руку выдернет;
Которова заденет за ногу, –
То из гузна ногу выломит;
Которова хватит поперек хребта, –
Тот кричит-ревет, окарачь ползет...
(Кириша Данилов 1977: 48).

Будет Василий семи годов,
Ста́л он по го́роду поха́живать,
На княженецкий дво́р он загу́ливать,
Стал шутить он, пошу́чивать,
Шутить-то шу́точки неде́брые
С боярскими детьмы, с княжене́цкими:
Которого дернет за руку – рука прочь,
Которого за ногу – нога прочь,
Двух-трех вместе столкнет – без души лежат
(Шальский лодочник 1861: 344–345).

Кого хватит за головушку,
Головой вертит, будто пугвицей
(Калика из Красной Ляги 1862: 202).

Приходят с жалобой от князей Новгородских
К пречестной вдовы Авдотьи Васильевны.¹⁵
– Ай же ты, честна вдова Авдотья Васильевна!¹⁶
Уйми ты свое детище любимое...
(Шальский лодочник 1861: 345).

И дождалась честна вдова Авдотья Васильевна¹⁷
 Своего чада милого,
 Молодого Василия Буслаева,
 И сама жалобнешенько расплакалась:
 – Ты мое дитя, чадо милое,
 Молодой Василий сын Буславьевич!
 Чтò по Нову-граду ходишь ты, уродуешь?
 В твои-то годы отец без порток ходил,
 Не имел в кармане он ведь ста рублей,
 А имел дружину хоробрую:
 А у тебя нету братий и дружины хоробрыя,
 Не с кем тебе будет поправляться!
(Калика из Красной Ляги 1862: 202).

А и мать-та стала ево журить-бранить,
 Журить-бранить, ево на ум учить.
 Журьба Ваське не взлюбилася...
(Кириша Данилов 1977: 48–49).

Тут честна вдова Авдотья Васильевна¹⁸
 Не спускает сына гулять во Новгород,
 Шутить шуточек недобрых
(Шальский лодочник 1861: 345).

Ишша это Василью-то за беду стало,
 За великую досадушку показалось.
 Говорят он своей маменьки родимое:
 «Уж ты ой еси, маменька моя родимая!
 Ты отдай-ко меня ноне за учителя –
 Как учишься мне грамотку тарханскую.
 Когда выучусь я грамоту тарханскую,
 Я тогда с мужиками приуправлюсь!»
(Тяросов 2003: 19).

***

Будет Василий семнадцати лет,
 Обучился Василий всяких хитростей-мудростей,
 Разных наук воинских и рыцарских,
 Ощутил в себе силушку великую
 И делал себе сбрую ратную,
 Палицу воинскую и копье мурзамецкое,
 Тугой лук разрывчатый и саблю вострую
(Шальский лодочник 1861: 345).

Отдавала-то его мать ведь учителю
 Учиться ученё всё-ко мудроё:
 Подхватывать пулежки свинцовыя,
 Уговаривать да свой червлёной вяз.
 Да то ученё скоро в ум пошло,
 Скоро в ум пошло, вкоренилось,
 Вкоренилось Василью, заселилось
(Антонов 1938: 187).

Изуцился Васька грамотку тарханскую.
 Тут выходит Василей да из училища,
 Тут приходит Василей да ко красну крыльцю.
 Тут Василей на крылецош[к]о да знимаицье –
 Как ступешек до ступешка догибаицье;
 По новым сеням идёт – сени выгибаюцье
(Петров 2003: 107).

И говорит мать таковы слова:
 – Ай же ты, Васильюшка Буславьевич!
 Прибирай-ка себе дружину хоробрую,
 Чтòб никто ти в Нове-граде не обидел
(Колодозерский старик 1861: 336).

Говорит Васильюшка Буславьевич:
 «Есть бы у меня была дружинишка хоробрая,
 Тридцать молодцов без единого,
 Сам-то я, Васильюшка, во-тридцатых,
 Так ехал бы я биться со всим Новым-градом»
(Рябинин 1861: 358).

Он брал-де казны себе бешотное,
 Он пошол-де, Василей, на царев кабак,
 Откупил он вина три сороковоцки.
 Он перву сороковоцьку на плечё здынул,
 Он вторую сороковоцьку взял под пазуху,
 Он третью сороковоцьку ногой катит, –
 А прикатил-де он бочку да до широкого двора.
 Он поддёрнул-де чан дак среди двора,
 Наливал-де он чан дак зелена вина,
 Он спускал-де ведь цяроцьку серебряну,
 Он серебряную цяроцьку позолочену,
 Он не малу, не велику – полтора ведра
(Тяросов 2003: 19–20).

Становил чашу среди двора
 И сам ко чаше приговаривал:
 – Кто эту чашу примет одной рукой
 И выпьет эту чашу за единый дух,
 Тот моя будет дружина хоробрая!
 И сажился на ременчат стул,
 Писал скорописчатые ярлыки;
 В ярлыках Васинька прописывал...
(Колодозерский старик 1861: 336).

– Тати-воры-разбойники ко мне на двор,
 Плут-мошенник к моему двору,
 Не работы робить деревенския,
 Пить зелена вина безденежно!
(Калика из Красной Ляги 1862: 203).

От мудрости слово поставлено:
 «Кто хочет пить и есть из готовова,
 Валися к Ваське на широкой двор,

Тот пей и ешь готовое
И носи платье разноцветное!»
(Кириша Данилов 1977: 49).

Ярлычки привязывал ко стрелочкам
И стрелочки стрелял по Новуграду.
И пошли мужики новгородские
Из тоя из церкви из соборных,
Стали стрелочки нахаживать,
Господа стали стрелочки просматривать:
«Зовет-жалует Василий на почестен пир»
(Колодозерский старик 1861: 336–337).

Молодой Васильюшка Буслаевич
В ноченьку спит на кровати тесовой,
На перинке на пуховой,
А его родная матушка
Честная вдова Авдотья Васильевна¹⁹
По утрышку ранешенько по терему похаживает,
На свой на широкий двор посматривает:
Нашло-то к ним силушки на двор черным черно,
Черным черно – как черна ворона...
(Рябинин 1861: 358).

И сами говорят таковы слова:
– Ай же ты, Васильюшка Буславьевич!
Мы теперь стали на твоём дворе,
Всю мы у тя еству выедем
И все напитокочки у тя выпьем,
Цветно платьице повыносим,
Красно золото повытащим.
Этыя речи ему не слюбились.
Выскочил Василий на широкий двор,
Хватал-то Василий черленый вяз...
(Колодозерский старик 1861: 337).

Стал их²⁰ бити червлёным вязом,
В половине было налито
Тяжела свинцу чебурацкова,
Весом тот вяз был во двенадцать пуд...
(Кириша Данилов 1977: 49).

И зачал Василий по́ двору похаживати,
И зачал он вязом помахивати:
Куды махнет – туды улочка,
Перемахнет – переулочек:
И лежат-то мужики увалами,
Увалами лежат, перевалами,
Набило мужиков как погоду
(Колодозерский старик 1861: 337).

Пошли мужики – сами заплакали:
«Были у Васьки на честном пиру,
Не упили мы, не уели,
А в увечье²¹ залезли у Васьки на веки!»
(Шенкурский певец 1863а: 9).

Вылезают добры молодцы из-под избицы,
Котельная Пригарина да Потанюшко Хроменький.
Бежат они, добры молодцы,
Ко Ваське Буслаеву.
Котельная Пригарина наперед бежит,
Потанюшко Хроменький позади бежит... <...>
На праву ножку Потанюшко припадывает,
На леву ножку Потанюшко прихрамывает,
Из-под рученьки Потанюшко посматривает
(Шенкурский певец 1863б: 4).

Бежит настрету Котельная Пригарина,
Говорит мужикам таковы речи:
– Были вы у Васьки на честном пиру?
Каково у Васьки упили,
Каково у Васьки вы уели?
– Мы не упили, не уели,
Мы в увечье²² залезли на веки.
Котельная Пригарина тому не верует²³,
Он одно бежит, он одно спешит.
Прибегал ко Ваське на широкий двор,
Размахнул на чане зелено вино,
Зачерпает чара полтора ведра,
Воздымает чарочка единой рукой... <...>
И схватил Васька черненый вяз
Бил Васька детину в буйну голову:
Детина стоит – не ворохнется
На ём синь кафтан не колыхнется,
Кудри черные не тряхнутся,
Полна чарочка в руках не всплещется... <...>
– Окатил ты меня, Васька Буслаевич,
Окатил ты мне ретиво сердце,
Возвеселил ты мне буйну голову:
Уж ты дажь ли мне опохмелиться?
Васька²⁴ брал его за белы руки
И повел его во светлицу:
– Будь ты мне милый друг,
Милый друг да и названный брат!
(Шенкурский певец 1863а: 9–10).

Идет на двор²⁵ маленький Потанюшко,
На правую ножку припадывает,
Он на небо поглядывает.
Говорят мужики новгородские:
– Не ходи, Потаня, на почестен пир!
Не выпить тебе чары зелена вина,
И не стерпеть вяза черленого.
Пришел-то маленький Потанюшко,
Пришел Потаня на почестен пир,
Хватил ён чарочку одной рукой...
(Сурикова 1896: 413).

Уж он черпает из чана медным ковшиком.
Выбегает тут Василий сын Буслаевич,

Еще бьет он Потаню по головушке,
Еще бьет Потанюшку по плечикам –
Как Потанюшка стоит да не шелóхнется,
Синь кофтанчик на Потане да не сколы́хнется,
Чарка полная не оплѣснется
(Кузьмин 1961: 245).

Пил он чарочку одним духом.
Хлопнул Василий сын Буслаевич,
Хлопнул вязом черленьим,
Стоит Потанюшко, не стряхнется,
Его желтые кудри не сворохнутся,
Спрогóворит Василий сын Буслаевич:
– Ай же ты, маленький Потанюшка!
Поди ко мне в дружинишки в хоробрыи
(Сурикова 1896: 413–414).

Ко Васильюшке на широкий двор.
Идет-то Костя Новоторжанин
Ко той ко чары зелена вина,
И брал-то чару одной рукой,
Выпил эту чару за единый дух
(Колодозерский старик 1861: 337).

Василей тут ево опробовал: <...>
А бѣт он Костю по буйно́й голове,
Стоит тут Костя не шевел(ь)нится,
И на буйной голове кудри не тряхнутся
(Кириша Данилов 1977: 49).

Как ударил Костю-то по́ горбу:
Стоит-то Костя – не крянется... <...>
Сам говорит таковы слова:
– Быдто матушка по головке поглаживает. <...>
– Ай же ты, Костя Новоторжанин!
Будь моя дружина хоробрая,
Поди в мои палаты белокаменны
(Колодозерский старик 1861: 338)²⁶.

Идет Иванище Сильное,
И поднимает чару единой рукой,
И выпивает чару на единой здох;
И ударяет Василий его, Иванища,
Черняным вязом в буйну голову:
И стоит Иванище – не трѣхнется,
Не трѣхнется и не воро́хнется,
И со буйной головы колпак не воро́тится.
И тот прошел, да иной пришел,
И идет-то Васинька Маленькой,
И принимается за чару единой рукой;
И говорит-то Василий сын Буславьевич:
– Ой же ты, Васинька Маленькой!
Не поднять тебе чары единой рукой,
И не выпить тебе чары на единой здох,
И не стерпеть тебе черненá вяза́.

Чернена вяза да в буйну голову.
Этот Васинька Маленькой
Плюнул да и прочь пошел:
– Ты, молодой Василий сын Буславьевич!
Не узнал ты меня да обѣзчестил!
(Калика из Красной Ляги 1862: 203–204).

Говорит-то Василий таковó словó:
– Да ой еси ты, Васинька Маленькой²⁷,
Маленькой Василий²⁸ ты коротенькой!
Да нѣ по ком, Васинька²⁹, вязо́м хвосну́ть.
Говорит-то Васинька³⁰ таковó словó:
– Да ой еси, Василий сын Буславьевич,
Не жале́йсе ты моей ведь старости,
Хвосни́ ты вязо́м со всей ярости!
(Антонов 1938: 190).

И тот молодой Василий сын Буславьевич
Как ударит Ваську черняным вязом,
Черняным вязом да в буйну голову, –
Идет-то Васинька – не трѣхнется,
Не трѣхнется, да и не воро́хнется,
Со буйной головы колпак не воро́тится.
Говорит Василий сын Буславьевич:
– Разве сила у меня да не по-старому,
Либо черняной вяз служит не по-прежнему?
Увидел тут бел-горючий камешек,
Как ударит в камешек черняным вязом, –
Камень тот рассыпался.
И тогда зазывает Ваську хлеба-соли кушати
(Калика из Красной Ляги 1862: 204).

Из той же толпы да молодецеской
Идет-то удалый добрый молодец,
Идѣт Фома сын Ременников.
Идѣт-то он к чану смелѣшенько,
Берѣт-то чару́ единой рукой,
Выпиват-то чару́ к одному́ духу
Да становитца к Василью под черленой вяз.
Ударил Василей его в голову –
Стоит-то Фома, да нонь и не ша́тънѣться.
Говорит-то Василей таковó словó:
– Дородной удалой доброй молодец
Ты Фома уж сын Ременников!
Поди-тко ко мне в услуженьице,
Пей и ешь всё готовое,
Носи у меня платье цвѣтное,
Да пей ты вина ноньце всё безденѣжно. <...>
Из той же толпы молодецеской
Идѣт тут девушка чернавушка,
Идѣт-то она к чану смелѣшенько,
Берѣт-то чару́ единой рукой,
Выпиват-то чару́ к одному́ духу,
Становитса к Василью под черленой вяз.
Ударил Василий ей ведь в голову –

Стоит тут девушка, не шáтънется,
 Да шóлково платнѣ ей не трѣхнется.
 Говорит тут Василий да таково́ слово:
 – Ой еси, девушка чернавушка,
 Поди-тко ко мне в услуженьицѣ!
 Пей, еш всё готовоѣ,
 Носи-тко у меня платье шолково,
 Да пей вина нонѣце безденѣжно
 (Антонов 1938: 189, 190).

Тут приходит опетъ к ему дружиночка всё храбрая,
 Еще тот ли Данилушко сутул, горбат,
 Он сутул, он горбат, всё напередъ покаян,
 Выпивал он цяроцьку всё на единой дух.
 Он того Василей Богуславъевич
 Он не бил, не пробовал да всё чорнымъ вязом:
 – Проходи ты ко мне, Данилушко, в полаты
 белокамянны,
 Уж ты будь мне-ка дружиночкой хороброю,
 Ты попей поди, поешь у мя, покушай-ко...
 (Крюкова 1901: 263–264).

Идет-то Хомушка Горбатенький
 Ко той ко чары зелена вина,
 Брал-то чару одной рукой
 И выпил чару за единый дух.
 Того и бить не шѣл со новых сеней:
 – Ступай-ка в палаты белокаменны
 Пить нам напитки сладкие,
 Ества-то есть сахарния,
 А бояться нам в Нове-граде некого!
 (Колодозерский старик 1861: 338).

А и мало время позамешкавши,
 Пришли два брата боярченка,
 Лука и Мосей, дети боярские,
 Пришли ко Ваське на широкой двор.
 Молоды Василей сын Буслаевич
 Тем молодцам стал радостен и веселешонек.
 Пришли тут мужики Залешена,
 И не смел Василей показаться к ним.
 Еще тут пришло семь братѣв Сбродѣвичи,
 Собиралися-соходилися
 Тридцать молодцов без единова,
 Он сам, Василей, тридцатой стал.
 Какой зайдет — убьют ево,
 Убьют ево, за ворота бросят
 (Кириш Данилов 1977: 49–50).

***

Во здешном же да Новом городе
 Да был тут Викула ведь староста,
 Охотник солод собирать и братчину варить
 (Антонов 1938: 191).

И тогда мужики новгородчана
 Заводили свой почестный пир
 У того Викулы у Окулова
 (Калика из Красной Ляги 1862: 204).

На многих князей, на бояр,
 На сильных могучих богатырей,
 А молодца Василья не почествовали
 (Колодозерский старик 1861: 338).

Васькин солод не берут и Ваську пить не зовут.
 Говорит Василий таково́ слова:
 – Ой еси, дружина хоробрая,
 Удалы дородны добры молодци,
 Пойдѣмте к Викулы мы на братчину!
 (Антонов 1938: 191).

Говорит матери таковы слова:
 – Ай же ты, государыня матушка,
 Честна вдова Авдотья Васильевна!
 Я пойду к князьям на почестен пир.
 Возговорит Авдотья Васильевна:
 – Ай же ты, мое чадо милое,
 Милое чадо роженое!
 Званому гостю место есть,
 А незваному гостю места нет.
 Он Василий матери не слушался,
 И взял свою дружину хороброю
 И пошел к князю на почестен пир
 (Колодозерский старик 1861: 339).

И увидели мужики новгородчана,
 Что идет Василий сын Буславъевич,
 И заложили ворота крепко-накрепко
 (Калика из Красной Ляги 1862: 204–205).

Говорит тут Василий таково́ слово:
 – Да ой еси, Потанюша Хроменькой,
 Да хроменькой Потаня ты коротенькой!
 Да поиди же Потаня позади же их.
 Откуда они носят зеленѣ вино,
 Откуда ведь они носят пиво пьяное?
 Пошел-то Потаня позади же их...
 (Антонов 1938: 191).

Тут Потанька на крылецошко зазнимаицѣсе –
 А ступешек до ступешка догибаицѣсе;
 По новым сеням идѣт – сени выгибаюцѣсе
 (Петров 2003: 108).

Вышиб двери посреди двора,
 Выкатил боцку зеленá винá,
 Выкатил боцѣнок пива пьяного,
 Да пили они тут своей рукой.
 Перву чару выпил Васька для здоровья,

Втору́-то чару́ выпил для весельи́ца,
Да трéтью чару́ для похмельи́ца.
Да напилса он до́ хмелю великого...
(Антонов 1938: 191).

И говорит Василий сын Буславьевич:
– Ай же ты, Васинька Маленькой!
Вскочи-тко ты в широкий двор,
Найди-тко ветрянку маненьку,
И подними-тко ты с широка двора,
Отвори-тко ворота-те на́ пята.
И зазови-ка меня хлеба-соли кушати.
И Васинька Маленькой вскочил-то в широкий двор,
И нашел ветрянку маненьку,
И подынул он с широка двора,
И заскочил он на широкий двор,
И отворил ворота-те на́ пята,
И зазывал хлеба-соли кушати.
И заходил Василий сын Буславьевич,
Ко тому Викуле ко Окулову...
(Калика из Красной Ляги 1862: 205).

У ворот не спрашивал приворотников,
У дверей не спрашивал придверников,
Прямо шел во гридню столовую.
Он левой ногой во гридню столовую,
А правой ногой за дубовый стол,
За дубовый стол, в большой угол... <...>
И попехнул Василий правой рукой,
Правой рукой и правой ногой... <...>
Другие гости перепалися,
От страха по домам разбежались
(Колодозерский старик 1861: 339).

Он садит свою дружиначку хоробрую;
Упихал-то из-за стола многих людей добрых,
Ише тех ли мужиков новгородских,
Он выпехивал их всё на новы́ сени.
Тут народ-от, люди добры испугались,
По домам-то ох ведь много разбегалосе... <...>
...Говорит-то тут князь новгородский:
– Уж вы што-то сидите́, да вы богаты́ри,
Вы не цим, сидите́, у мя не хвастайте?
Говорит-то тут Василей Богуславьевич³¹:
– Уж и тем-то разве я похвастаю:
Я осталсэ всё от батюшка родимого,
Я осталсэ от батюшка малёхонёк,
Я малёхонёк осталсэ, зеленёхонёк. <...>
Я уж тем-то разве я похвастаю:
О своей-то я о буйной о головушки,
Я ударюсь с вами, мужики новгородския,
Ай ударюсь я с вами о велик залог,
О велик-то я залог – свою
богаты́рьску-ту-ли я о буйну голову...
(Крюкова 1901: 265).

Унимала-то дружина его хоробрая:
– Уж ты ой есь, Василей сын Буславьевич!
Не серди ты удалых добрых молодцов,
Нам не чесь-то, хвала будёт молодецкая,
На пиру сидеть-спорить, теперь, здóритця. <...>
А Василей не на чё да не здавайтце,
Не уступат им удалой доброй молодец...
(Хабаров 1904: 382).

Охлеснул Васька посудину полтретья ведра,
Сам проговорил Васька таково слово:
«Не боюсь я тебя, Викула³² Зиновьевич,
Не боюсь я тебя Фома Родионович,
Не боюсь я всего Новгорода!
Лишо боюсь я крестоваго батюшка,
Матерого Старища Игнатьища,
Да боюсь я крестоваго брателка,
Им от меня и честь и почёт,
А что почему пойдёт – так и всех не боюсь!»
(Шенкурский певец 1863б: 5).

«Я возьму-бы, побью да славной Новгород,
Не кому со мной во городе не выстоять».
Мужики новгородчана не отступчивы...
(Хабаров 1904: 382).

Ударились с Викулой о вели́к заклад
Не о́ ста рублей да не о́ тысеце,
О своих о буйныи ноньце го́ловах:
Побиться, подра́тьца у чудна́ креста́,
У чудна́ креста́, у жива́ моста́,
У матушки да реки Во́лхови,
Викула с Новым городом,
Василий с дружиной со хороброй,
Только одного Вася старца вы́ключил³³,
У которого Василий в ученьи был
(Антонов 1938: 191–192).

И записи написали,
И руки приложили,
И головы приклонили:
«Идти Василью с утра через Волхов мост:
Хоть свалят Василья до мосту,
Вести на казень на смертную,
Отрубить ему буйна голова;
Хоть свалят Василья у моста,
Вести на казень на смертную,
Отрубить ему буйна голова;
Хоть свалят Василья посеред моста,
Вести на казень на смертную,
Отрубить ему буйна голова.
А уж как пройдет третью за́ставу,
Тожно больше делать нечего»
(Колодозерский старик 1861: 340).

Говорят-то мужики новгородския:
Мы по ўтру-ту станём, утру ранному,
Привести тебя, Василий Богуславъевич,
Приведём тебя да мы ко Волхову³⁴,
К тому-то мы мосту, мосту дубовому,
Отсекём у тя по плечь-то богатырьску буйну
голову.
Ты не будёшь убивать-то всё многіх хоть
людей добрых
(Крюкова 1901: 265–266).

И пошел Василий со пира домой,
Не весел идет домой, не радощен,
И встречает его желанная матушка,
Честна вдова Авдотья Васильевна:
– Ай же ты, мое чадо милое,
Милое чадо роженое!
Что идешь не весел, не радощен?
(Колодозерский старик 1861: 340).

Что ты, Василий, припечаливши?
Ведь не чарой, Василий, тебя обнесли,
Либо пьяница собака обесчестила?
Спроговори маленькой Потанюшка,
Его дружинушка хоробрая:
– Чарой Василия не обнесли,
И пьяница собака не обесчестила:
Ен глупым умом, хмельным рózумом,
Бился Василий о велик заклад...
(Сурикова 1896: 415).

Говорит Васильюшка Буславъевич:
– Я ударил с мужикамы о велик заклад –
Идти с утра на Волхов мост:
Хоть свалят меня до моста,
Хоть свалят меня у моста,
Хоть свалят мене посеред моста,
Вести меня на казень на смертную,
Отрубить мне буйна голова.
А уж как пройду третью заставу,
Тожно больше делать нечего
(Колодозерский старик 1861: 340–341).

Прибежала Васильева матушка,
Уложила Василья в теплу лóжнюцу... <...>
Оковала двери железами,
Повесила замок полтора пуда
(Антонов 1938: 193).

Запирала в клеточку железную,
Подперла двери железныя
Тым ли вязом черленим.
И налила чашу красна золота,
Другую чашу чиста серебра,
Третью чашу скатна жемчуга...
(Колодозерский старик 1861: 341).

Чоботы надернула на босы ноги,
Шубу наинула на одно плече,
Пришла она на почестен пир,
Крест кладет по-писаному,
Поклоны ведет по-ученому.
– Здравствуйте, мужики новгородские!
Возьмите дóроги подарочки,
Простите Василия во той вины.
Говорят мужики новгородские:
– Мы не вóзьем дороги подарочки
И не простим Василия во той вины.
Хоть повладеем Васильевыма кóнями добрыма,
Павладеем платьями цветныма!
Тут молодая Авдотья Васильевна³⁵,
Крест на лицё, да с теремá долой.
Ударила чоботом во липину,
А улетела липина во задний тын,
А у них задний тын весь и россыпался,
Вси крыльца, перильца покосилися
(Сурикова 1896: 415–416).

И понесла в даровья князю Новгородскому,
Чтобы простил сына любимаго.
Говорит князь Новгородский:
– Тожно прощу, когда голову срублю!
Пошла домой Авдотья Васильевна,
Закручинилась пошла, запечалилась,
Рессеяла красно золото и чисто серебро
И скатен жемчуг по чисту полю,
Сама говорит таковы слова:
– Не дорого мне ни золото, ни серебро, ни
скатен жемчуг,
А дорога мне буйная головушка
Своего сына любимого,
Молода Васильюшка Буслаева
(Колодозерский старик 1861: 341).

***

На утре-то было нонь ранёшенько,
На светлóй зори на ранюутрянной,
На выкате да солнышка красного
Да бьютця, дёрутця у чудна креста,
У чудна крестá, у живá мостá.
И у матушки да реки Волхови
(Антонов 1938: 256–261).

И спит Василий, не пробудится.
Как собирались мужики уваламы,
Уваламы собирались, переваламы,
С тьма шалыгамы подорожными,
Кричат оны во всю голову:
– Ступай-ка, Василий, через Волхов мост,
Рушай-ка заветы великие!
(Колодозерский старик 1861: 341).

Выступали на мостик на Волховский.
Васильева дружина хоробрая
Выступают сопротиву их
(Шальский лодочник 1861: 346).

И выскочил Хомушка Горбатенький,
Убил-то он силы за цело сто,
И убил-то он силы за другое сто,
Убил-то он силы за третье сто,
Убил-то он силы до пяти сот.
На смену выскочил Потанюшка Хроменький
И выскочил Костя Новоторжанин
(Колодозерский старик 1861: 341–342).

Оны билися ровно три часа:
Тьи ль мужики новгородские
Попятили дружину Васильеву:
Головки шалыгамы прощелканы,
Руки кушакамы перевязаны,
Стоит дружина по колен в крови
(Шальский лодочник 1861: 346).

Говорят мужики Новогородчана:
«Еще что же, братцы, Васька за дурак такой?
Изменил, братцы, Васька своим товарищам,
Продал за дешево, братцы, своих товарищей:
Три часа³⁶ бьюся братаны за Ваську Буслаева,
Молотами у них головы испроломаны,
Кушаками у них головы испривязаны
А Васьки Буслаева в яве нет»
(Шенкурский певец 1863б: 6).

Спит-то Василий, не пробудитця,
Черनावушка ведёрушки взяла
Да в Волхов по воду пошла...
(Антонов 1938: 262–264).

И видит девка чернявка
Дружинушку Васильеву попячену,
Головки у них шалыгамы проколочены,
Руки кушакамы перевязаны,
Стоит дружина по колен в крови.
Ихватила коромыселко железное,
И начала пощелкивать мужиков новгородских;
Убила мужиков пятьсот человек.
И потом девка чернявка побег чинит,
Прибежала девка к погребу глубокому,
Сама говорит таково слово:
– Ай же ты, Васильюшка Буславьевич!
Спишь ты, Василий, не пробудишься,
Над собой невзгодушки не ведаешь:
На том ли на мостике на Волховском
Попячена твоя дружина хоробрая,
Головки шалыгамы прощелканы,
Руки кушакамы перевязаны,

Стоит дружина по колен в крови
(Шальский лодочник 1861: 346–347).

– Ай же ты, Василий сын Буслаевич!
Знал загудки загадывать,
А не знаешь ноне отгадывать:
Прибили дружину во чистом поли
(Сурикова 1896: 416).

Ото сну тогда Василей пробужаитсе,
От великой хмелины просыпаитсе,
Он учуюл на се железы злы – тяжелые,
Его ясны-ти очи помутилисе,
Как горечи его слезы прокатилисе,
А могучие плечи расходилисе:
Он срывал тогды железы да со белых рук,
А спихал-то железы да со резвых ног,
Они лопнули железы, розлетелися,
Нотенулса-то он да могучьми плечьми,
Кабы сорвал железа занাপлечные... <...>
Как могучи-то плечи расходилися,
Богатырско его сэрцо разьярилосе,
Он пинал-то бы двери всё железныя,
Розлетелися двери на середь двора,
Кабы сорвал замки все висучие,
А стражи-то бы все усторонилисе;
Выходил-то бы Василей вон из комнаты,
Да не хто бы не смет слова вымолвить,
Говорил-то девице душе красной:
– Когда буду я, Василей, на своей воли,
Наделю-то тебя я золотой казной,
Я обсыплю тебя скатным жемчугом. <...>
Побежал то Василей ' славной Нов-город,
Ко своей-то дружинушке хороброей,
Он бежал-то Василей по чисту полю,
Ай не есен-то сокол перелёт летел,
Ай то бел-то бы кречет перепурх пустил.
Ой немного поры да миновалосе,
Тут бы стретилась им женщина снарядная,
Говорит-то она да таково слово:
– Уж ты ой еси, Василей сын Буслаевич!
Ты горазд был гостить да во Нове-городе,
А горазд ты был биться о велик заклад,
А теперь-то молодец да приюпраталсе,
Уж ты выдал дружинушку хороброю!
Ай Василью это слово за беду стало,
За великую досаду показалося,
Он срывал-то бы с женщины платьё цветное,
Обнажил-то женщину всю дónага.
Отдавал-то бы платьё девице чернавке³⁷:
– Ты прими-тко девица душа красная!
Когда буду-то я да на своей воли,
Награжу я тебя да золотой казной
(Хабаров 1904: 383–385).

Как тут Васильюшко прохватится,
Схватился он за платица та цветныи,
За все-то ты копыа да долгомерные,
За сабли, за тесаки за лемтячныи,
Схватился-то ведь он да и за добра коня –
Тут все у матушки да приупрягано³⁸,
Да добрый конь-то ведь спущен на поле
(*Терентий Иевлев* 1896: 232).

Не попало у Василья сбруи ратния,
Палицы воинския и копыа мурзамецкого:
У того у погребя глубокого
Лежала ось тележная железная,
Долиною в две сажени печатных,
А на вес ось та сорока пуд:
Хватает он тую ось железную
На свое плечо богатырское...
(*Шальский лодочник* 1861: 347).

Прибежал-то Василий ко чуднѹ крестѹ.
Ко чудну крестѹ, ко живу мостѹ,
Ко матушки реки Волхови,
Да сам говорит таково слово:
– Ой еси, дружина хоробрая,
Да удалы дородни, добры молодцы!
Сядьте-тко, посидите-тко,
Сядьте-тко да отдохните-тко,
Дайте мне упахать плечи могуции...
(*Антонов* 1938: 194).

Завидели добрыя молодцы,
А ево дружина хоробрая
Молода Василья || Буслаева:
У ясных соколов крылья отросли,
У их-та, молодцов, думушки прибыло
(*Кириша Данилов* 1977: 52–53).

Тут пошел Васильюшко поскакивать,
На все стороны тележной осью-то помахивать...
(*Терентий Иевлев* 1896: 232).

Говорит Васильюшка Буславьевич:
– Ай моя дружина хоробрая!
Вы теперь позавтракали,
Мне-ка-ва дайте пообедати.
Становил дружину на сторону,
А сам начал по мужичкам похаживать
И начал мужичков пощелкивать,
Осью железною помахивать:
Махнет Васильюшка – улица,
Отмахнет назад – промежуточек,
И вперед просунет – переулочек.
Мужиков новгородских мало ставится,
Очень редко и мало их
(*Шальский лодочник* 1861: 348).

И встречу идет крестовый брат,
Во руках несет шалыгу девяносто пуд.
А сам говорит таковы слова:
– Ай же ты, мой крестовый брателко,
Молодой курень, не попархивай,
На своего крестового брата не наскакивай!
Помнишь, как учились мы с тобой в грамоты:
Я над тобой был в те поры больший брат,
И нынѣ-то я над тобой буду больший брат.
Говорит Василий таковы слова:
– Ай же ты, мой крестовый брателко!
Тебя ли черт несет на встречу мне?
А у нас-то ведь дело дееся:
Головамы, братец, играемся.
И ладит крестовый его брателко
Шалыгой хватить Василья в буйну голову.
Василий хватил шалыгу правой рукой,
И бил-то брателка левой рукой,
И пинал-то он левой ногой:
Давно у брата и души нет... <...>
И пошел Василий по мосту с шалыго
(*Колодозерский старик* 1861: 342–343).

Видят князя беду неминучую,
Прибѣет мужиков Василий Буславьевич,
Не оставит мужиков на семена.
Приходят князя Новгородские,
Воевода Викула³⁹ Зиновьевич,
Старшина Фома Родионович,
Ко его государыне ко матушке,
Ко честной вдовы Мамелфы Тимофеевны,
Сами говорят таковы слова:
– Ай же ты, честна вдова Мамелфа Тимофеевна!
Уговори, уйми свое чадо милое,
Молода Василья Буслаевича:
Укротил бы свое сердце богатырское,
Оставил бы мужиков хоть на семена.
Говорит Авдотья Васильевна⁴⁰:
– Не смею я, князя Новгородские,
Унять свое чадо милое,
Укротить его сердце богатырское:
Сделала я вину ему великую,
Засадил его во погребя глубокие,
Есть у моего чада милого
Во том во монастыре во Сергеевом
Крестовый его батюшка Старчище Игнатьище⁴¹:
Имеет силу нарочитую.
Попросите, князя Новгородские,
Не может ли унять мое чадо милое.
И так князя Новгородские
Приезжают к монастырю ко Сергееву
И просят Старчище Игнатьище⁴²,
Со великим просят с унижением:
– Ай же ты, Старчище-пилигримище!
Послужи ты нам верой-правдою,

Сходи ты на мостик на Волховский
 Ко своему ко сыну ко крестовому,
 Молодому Васильюшке Буславьеву:
 Уговори его сердце богатырское,
 Чтобы он оставил побоище,
 Не бил бы мужиков новгородских,
 Оставил бы малую часть на семена.
 Старчище Игнатище⁴³ сокручается,
 Сокручается он, снаряжается
 Ко своему ко крестнику любимому:
 Одевает Старчище кафтан в сорок пуд...
 (*Шальский лодочник* 1861: 348–349).

Подскочил его дядька, крестный батюшко,
 Ен на ту башню да й колокольную,
 Ен сорвал колокол до девяносто пуд,
 Надел он себе на головушку,
 Идет-то он да на Обухов мост
 Колокольным языком-то он подпирается,
 Обухов мост да нагибается...
 (*Терентий Иевлев* 1896: 232).

Прямо к ему во ясны очи,
 И говорит ему таковы слова:
 – Ай же ты, мое чадо крестное!
 Укроти свое сердце богатырское,
 Оставь мужичков хоть на семена
 (*Шальский лодочник* 1861: 349).

Говорит-то Василей Богославьевич:
 – Уж ты гой еси, родимой хрёсной батюшко!
 Я севодне играю головами всё мужицкими,
 Всё мужицкими играю я, новгородскими,
 Не пропускаю головы и богатырскою
 (*Крюкова* 1901: 269).

Кричит тот старец-пилигримишша:
 «А стой ты, Васька, не попорхивай,
 Молоды глуздырь, не полетывай!
 Из Волхова воды не выпити,
 Во Новё-граде людей не выбити;
 Есть молодцов сопровит тебе,
 Стоим мы, молодцы, не хвастаем!»
 Говорил Василей таково слово:
 «А и гой еси, старец-пилигримишша,
 А и бился я о велик заклад
 Со мужики новгородскими,
 Априч почес(т)нова монастыря,
 Оприч тебе, старца-пилигримишша,
 Во задор войду – и тебе убую!»
 (*Кириша Данилов* 1977: 52).

– Уж ты ой еси, Василей сын Буславьевич! <...>
 Ты послушай, да я тебе ведь отец крёстной вет,
 Я грамоты тебе учил, на добры дела наставлял!

– А когда ты грамоту учил, да с меня деньги брал!
 (*Тимофей Шибанов* 2002: 186).

Ударил он старца во колокол
 А и той-та осью тележную, –
 Начается старец, не шевелнится...
 (*Кириша Данилов* 1977: 52).

Как ударил верно Васенька по колоколу –
 Загудела мать сыра земля, растрескалася... <...>
 Заглянул Василий верно нонь под колокол –
 А у деда очи вылезли
 (*Кузьмин* 1961: 247).

А ищэ у старика язык воротитсэ:
 – Уж ты ой еси, Василей сын Буславьевич!
 Ай не будёт тебе да поединщика
 (*Хабаров* 1904: 386).

Как был тот Васильюшко востёр собой;
 Подскочил он плечком под колокол,
 Спихнул он дядьку крестного батюшку под
 Обухов мост;
 Да й как был Васильюшко востер собой,
 Вернулся тут Васильюшка да под Обухов мост,
 Да там-то уж дядьки крестного батюшки и
 живого нет...
 (*Терентий Иевлев* 1896: 232–233).

Еще сердце в нем не уходилося,
 Еще грает над телом Васька Буславьев сын:
 «Лежи ты здесь, сучище облезлое...»
 (*Шенкурский певец* 1863б: 8).

Да повыхватил он, Васильюшко, язык тот
 колокольный,
 Он бьет-то дядьку крестного батюшку между уши:
 – Вот-ти, вот тебе яичко, крестный батюшко!
 (*Терентий Иевлев* 1896: 233).

«Колько я тебя Хрестным ни называл,
 На веку ты мне яичка не даывал;
 Теперь мы с тобой похристосуемся:
 Вот тебе красно яичко – Христос воскрес!»
 (*Шенкурский певец* 1863а: 13).

Не дано тебе яичко о Хрестови дни,
 Ты прими-тко мое яичко о Петрови-дни!
 Повыскочил Васильюшка да и на Обухов мост. <...>
 Пошел-то тут Васильюшко поскакивать,
 На вси стороны языком колокольным
 помахивать... <...>
 Как силушки-то стало мала ставиться
 (*Терентий Иевлев* 1896: 233).

А уж мужики покорилися,
 Покорилися и помирились,
 Понесли оне записи крепкия
 К матерой вдове Амелфе Тимофевне,
 Насыпали чашу чистова сѣребра,
 А другую чашу краснова золота,
 Пришли ко двору дворянскому,
 Бьют челом – поклоняются:
 «А сударыня матушка!
 Принимай ты дороги подарочки,
 А уйми свое чадо милая,
 Молода Василья со дружиною!
 А и рады мы платить
 На всякой год по три тысячи,
 На всякой год будем тебе носить
 С хлебников по хлебику,
 С калачников по калачику,
 С молодежи повенешное,
 С девиц повалешное,
 Со всех людей со ремесленных,
 Опричь попов и дьяконов»
 (Кириша Данилов 1977: 53).

Тут-то два князя Новгородских,
 Воевода Викула⁴⁴ Зиновьевич,
 Старшина Фома Родионович,
 Приходят к его государыне матушке,
 Честной вдовы Авдотьи Васильевны⁴⁵,
 Сами говорят таковы слова:
 – Ай же ты, честна вдова Авдотья Васильевна⁴⁶!
 Упроси свое чадо любимое,
 Укротил бы свое сердце богатырское:
 Мужичков в Нове-граде редко ставится,
 Убил он крестового батюшку,
 Честного Старчища Игнатьища
 (Шальский лодочник 1861: 350).

Пожалела как чесна вдова Авдотья Васильевна⁴⁷
 Мужичков новгородских:
 Как взяла веть образ Божьей матери...
 (Тимофей Шибанов 2002: 186).

Одевала платьица черныя,
 Одевала шубу соболиную,
 Полагала шелом на буйну голову,
 И пошла Авдотья Васильевна⁴⁸
 Унимать своего чада любимого.
 Не зашла она спереди его,
 А зашла она позади его,
 И пала на плечи на могучия:
 – Ай же ты, мое чадо милое,
 Молодой Васильюшко Буславьевич!
 Укроти свое сердце богатырское,
 Не сердись на государыню на матушку,
 Уброси свое смертное побоище,

Оставь мужичков хоть на семена
 (Шальский лодочник 1861: 350).

Не можот унѣть цядо родимое,
 Схватила его за праву ногу,
 Говорит-то Василей сын Буславьевич:
 – Да што за трепича за ногой волочитче!
 Да што за онуча привязаласе?
 Говорят мужики новгороджана:
 – Ты ой есь, Василей сын Буславьевич!
 Уйми свое сѣрцо ретивое:
 Не трепича за тобой да волочитче,
 Не онуча к тебе да привязаласе,
 Как волочитче матушка родимая,
 Чесна вдова Авдотья Васильевна⁴⁹
 (Марков 1904: 351).

Тут Васильюшко Буславьевич
 Опускает свои руки к сырой земле,
 Выпадает ось железная из белых рук
 На тую на мать сыру землю,
 И говорит Василий Буславьевич
 Своей государыне матушке:
 – Ай ты, свет сударыня матушка,
 Тая ты старушка лукавая,
 Лукавая старушка, толковая!
 Умела унять мою силу великую,
 Зайти догадалась позади меня,
 А ежели б ты зашла впереди меня,
 То не спустил бы тебе, государыне матушке,
 Убил бы за место мужика новгородского.
 И тогда Васильюшка Буславьевич
 Оставил тое смертное побоище,
 Оставил мужиков малу часть,
 А набил тых мужиков, что пройти нельзя
 (Шальский лодочник 1861: 350–351).

Умирился Василей сын Буславьевич,
 Да сам говорит-де таковы речи:
 – Уж вы ой есь, мужики да новгороджана!
 На то у нас был да право уговор:
 Обсыпать бы мой да нынѣ черленой вяз,
 Обсыпать бы мне да красным золотом
 (Марков 1904: 351).

А поставил-то-бы он своей черленой вяз,
 Как во славну во матушку сыру землю.
 А на то бы мужики были догадливы,
 Да таскали тогды золото со всех сторон,
 А осыпали бы вяз-от золотой казной,
 Нонѣ не видно стало палицы боѣвой;
 Покорилса-то весь да славный Нов-город...
 (Хабаров 1904: 388).

Примечания

- ¹ О соответствии ценностей нехристианского эпического сознания идеалам «ветхого человека» (Еф. 4: 22–23; Рим. 6: 6; Кол. 3: 9) см.: *Миронов* 2023: 38–65.
- ² Единственным исключением является сюжет о Волхе Всеславовиче; возможно, старина про премудрого Змеевича, князя-оборотня, захватившего власть в чужой стране, является лишь первой частью диптиха, в завершающей части которого (утраченной) протагонист погибает.
- ³ Подробнее см.: *Миронов* 2021.
- ⁴ Подробнее см.: *Миронов* 2020: 12–32.
- ⁵ Илья Муромец (Народная сказка) // Москвитянин. 1843. Ч. 6. № 11. С. 7–16. Былина была передана в редакцию учителем из Шенкурского у. Никифором Борисовым и якобы записана «со слов крестьянина» неким И. А. Ядовиним.
- ⁶ См., в частности: Примечания // Новгородские былины. М.: Наука, 1978. С. 383.
- ⁷ Подробнее о влиянии сказки на вариант В. И. Лагеева см. у Ю. И. Смирнова и В. Г. Смолицкого: Примечания // Новгородские былины. М.: Наука, 1978. С. 383.
- ⁸ См., в частности: Примечания // Новгородские былины. М.: Наука, 1978. С. 383.
- ⁹ Василий Богуслаевич: [Былина] № 17 // Новгородские былины. М.: Наука, 1978. С. 90.
- ¹⁰ Подробнее о влиянии сказки на вариант В. И. Лагеева см. у Ю. И. Смирнова и В. Г. Смолицкого: Примечания // Новгородские былины. М.: Наука, 1978. С. 383.
- ¹¹ Василий Буслаевич: [Былина] № 15 // Новгородские былины. М.: Наука, 1978. С. 78.
- ¹² Василий Буслаевич: [Былина] № 15 // Новгородские былины. М.: Наука, 1978. С. 81.
- ¹³ Кроме того – императрица Екатерина II, написавшая комическую оперу «Новгородский богатырь Боеслаевич», в которой центральным мотивом также является борьба за власть между законным наследником Василем и взбунтовавшейся аристократией.
- ¹⁴ У М. Г. Антонова – «Омельфа Тимофеевна».
- ¹⁵ У Шальского лодочника – «Мамельфы Тимофеевны».
- ¹⁶ У Шальского лодочника – «Мамельфа Тимофеевна».
- ¹⁷ У Калики из Красной Ляги – «Емельфа Тимофеевна».
- ¹⁸ У Шальского лодочника – «Мамелфа Тимофеевна».
- ¹⁹ У Т. Г. Рябининой – «Мамелфа Тимофеевна».
- ²⁰ У Кирши Данилова – «ево».
- ²¹ У Шенкурского певца – «безвечье».
- ²² У Шенкурского певца – «безвечье».
- ²³ У Шенкурского певца – «не бардует».
- ²⁴ У Шенкурского певца – «он».
- ²⁵ У Д. В. Суриковой – «встрету».
- ²⁶ Центральный фрагмент добавлен по примечанию собирателя (см. в частности: Примечания // Новгородские былины. М.: Наука, 1978. С. 377).
- ²⁷ У М. Г. Антонова – «Потанюша Хроменькой».
- ²⁸ У М. Г. Антонова – «Хроменькой Потаня».
- ²⁹ У М. Г. Антонова – «Потаня».
- ³⁰ У М. Г. Антонова – «Потаня».
- ³¹ У А. М. Крюковой – «Косьтя Новоторженин».
- ³² У Шенкурского певца – «Никола».
- ³³ У М. Г. Антонова – «выветил».
- ³⁴ У А. М. Крюковой – «к Непрэ-реки».
- ³⁵ У Д. В. Суриковой – «Фетьма Тимофеевна».
- ³⁶ У Шенкурского певца – «трои суточки».
- ³⁷ У С. Ф. Хабарова – «душе красной».
- ³⁸ У Д. В. Суриковой – «приобряжено».
- ³⁹ У Шальского лодочника – «Николай».
- ⁴⁰ У Шальского лодочника – «Мамелфа Тимофеевна».
- ⁴¹ У Шальского лодочника – «Пилигримище».
- ⁴² У Шальского лодочника – «Пилигримища».
- ⁴³ У Шальского лодочника – «Пилигримище».
- ⁴⁴ У Шальского лодочника – «Николай».

⁴⁵ У Шальского лодочника – «Мамелфы Тимофеевны».

⁴⁶ У Шальского лодочника – «Мамелфа Тимофеевна».

⁴⁷ У Т. Шибанова – «Омельфа Олѣксандровна».

⁴⁸ У Шальского лодочника – «Мамелфа Тимофеевна».

⁴⁹ У П. Г. Маркова – «Омельфа Тимофеевна».

Источники и материалы

Антонов 1938 – Про Василия Буслаевича: [Былина] № 14 // Былины Севера. Т. 1. М.; Л.: Акад. наук СССР, 1938.

Гусев 1978 – Василий Богуслаевич: [Былина] № 17 // Новгородские былины. М.: Наука, 1978.

Калика из Красной Ляги 1862 – Василий Буслаев, смерть его: [Былина] № 33 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. II: Народные былины, старины и побывальщины. М.: Тип. А. Семена, 1862.

Калитина 1978 – Василий Буслаев: [Былина] № 11 // Новгородские былины. М.: Наука, 1978.

Кириша Данилов 1977 – [Про] Василья Буслаева («В славном великом Нове-граде...») // Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М.: Наука, 1977.

Колодозерский старик 1861 – Василий Буслаевич: [Былина] № 55 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I: Народные былины, старины и побывальщины. М.: Тип. А. Семена, 1861.

Крюкова 1901 – Василий Богуславьевич: [Былина] № 52 // Беломорские былины, записанные А. Марковым. М.: А. А. Левенсон, 1901.

Кузьмин 1961 – Василий Буслаевич: [Былина] № 86 // Былины Печоры и Зимнего Берега: (Новые записи). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961.

Лагеев 1978 – Василий Буслаевич: [Былина] № 15 // Новгородские былины. М.: Наука, 1978.

Левшин 1783 – Левшин В. А. Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях, сказки народные и прочие, оставшиеся через пересказывание в памяти приключения. Ч. V. М.: Унив. тип., 1783.

Марков 1904 – Василий Буслаев в Новгороде: [Былина] № 88 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. СПб.: Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904.

Петров 2003 – Василий Буславьевич: (Молодость, учение, расправа с новгородцами, путешествие и смерть): [Былина] № 322 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: В 3 т. Т. III. СПб.: Тропа Троянова, 2003.

Рябинин 1861 – Василий Буслаевич: [Былина] № 58 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I. Народные былины, старины и побывальщины. М.: Тип. А. Семена, 1861.

Сурикова 1896 – Василий Буслаевич: [Былина] № 141 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1–3. Т. 2. СПб.: Тип. Акад. наук, 1896.

Терентий Иевлев 1896 – Василий Буслаевич: [Былина] № 103 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1–3. Т. 2. СПб.: Тип. Акад. наук, 1896.

Тимофей Шибанов 2002 – Василий Буславьевич: [Былина] № 39 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: В 3 т. Т. I. СПб.: Тропа Троянова, 2002.

Тяросов 2003 – Василий Буславьевич: (Молодость, учение, расправа с новгородцами, путешествие и смерть): [Былина] № 307 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: В 3 т. Т. III. СПб.: Тропа Троянова, 2003.

Хабаров 1904 – Василий Буслаев: [Былина] № 94 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. СПб.: Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904.

Шальков 1904 – Василий Буслаев: [Былина] № 74 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. СПб.: Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904.

Шальский лодочник 1861 – Василий Буслаевич: [Былина] № 56 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I: Народные былины, старины и побывальщины. М.: Тип. А. Семена, 1861.

Шенкурский певец 1863а – Василий Буслаев: [Былина] № I/2 // Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 5. М.: Тип. Бахметева, 1863.

Шенкурский певец 1863б – Василий Буслаев: [Былина] № I/1 // Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 5. М.: Тип. Бахметева, 1863.

Научная литература

- Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002.
- Колесническая И. М. Письма П. Н. Рыбникова к И. И. Срезневскому // Русский фольклор. Вып. IV / отв. ред. А. М. Астахова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 281–305.
- Миронов А. С. К вопросу о функциональной классификации былинных сюжетов // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение, языкознание, культурология. 2020. № 3. С. 12–32.
- Миронов А. С. Аксиологические доминанты в системе ценностей русского эпического героя // Проблемы исторической поэтики. 2023. Т. 21. № 2. С. 38–65.
- Миронов А. С. Аксиосфера русского эпоса и ценностный выбор его героев: культурфилософский анализ. Дис. ... докт. философ. наук, ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, Волгоград, 2021.
- Пропп В. Я. Русский героический эпос. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1958.
- Путилов Б. Н. Былины – русский классический эпос // Былины: Сборник / вступ. ст., сост., подгот. текстов и примеч. Б. Н. Путилова. Л.: Сов. писатель, 1986. С. 5–46.
- Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994.
- Ухтомский А. А. Заслуженный собеседник. Этика. Религия. Наука. Рыбинск: Рыбинское подворье, 1997.
- Ухтомский А. А. Доминанта. Статьи разных лет. 1887–1939. СПб.: Питер, 2002.

References

- Bakhtin, M. M. 2002. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. Moscow: Russkie slovari; Yazyki slavyanskoi kul'tury.
- Kolesnitskaya, I. M. 1959. Pis'ma P. N. Rybnikova k I. I. Sreznevskomu [Letters from P. N. Rybnikov to I. I. Sreznevsky]. In *Russkii fol'klor* [Russian Folklore]. Issue IV, ed. by A. M. Astakhova, 281–305. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR.
- Mironov, A. S. 2020. K voprosu o funktsional'noi klassifikatsii bylinnykh syuzhetov [Concerning the Question of Bylina Plots' Functional Classification]. *Vestnik RGGU. Seriya: literaturovedenie, yazykoznanie, kul'turologiya* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Literary Criticism, Linguistics, Cultural Studies] 3: 12–32.
- Mironov, A. S. 2021. Aksiosfera russkogo eposa i tsennostnyi vybor ego geroev: kul'turfilosofskii analiz [The Axiosphere of the Russian Folk Epics and Their Heroes' Value Choice: A Cultural and Philosophical Analysis]. PhD diss., Volgograd State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation, Volgograd.
- Mironov, A. S. 2023. Aksiologicheskie dominanty v sisteme tsennostei russkogo epicheskogo geroya [Axiological Dominants in the Russian Epic Hero's Value System]. *Problemy istoricheskoi poetiki. Vol. 21. № 2*: 38–65.
- Propp, V. Ya. 1958. *Russkii geroicheskii epos* [Russian Heroic Epics]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury.
- Putilov, B. N. 1986. Byliny – russkii klassicheskii epos [Bylinas– Russian Classical Epics]. In *Byliny: Sbornik* [Bylinas: A Collection], ed. by B. N. Putilov, 5–46. Leningrad: Sovetskii pisatel'.
- Putilov, B. N. 1994. *Fol'klor i narodnaya kul'tura* [Folklore and the Folk Culture]. Saint Petersburg: Nauka.
- Ukhtomskii, A. A. 1997. *Zasluzhennyi sobesednik. Etika. Religiya. Nauka* [Honored Interlocutor. Ethics. Religion. Science]. Rybinsk: Rybinskoe podvor'e.
- Ukhtomskii, A. A. 2002. *Dominanta. Stat'i raznykh let. 1887–1939* [Dominant. Articles of Different Years. 1887–1939]. Saint Petersburg: Piter.

BYLINAS' EXTRA-AESTHETIC FUNCTION AS A BASIS FOR THE MODELING OF EPIC PLOTS' INVARIANTS

Abstract. The article states that a consolidated text of a certain bylina plot could be compiled through this plot's axiological analysis. Contrary to the widespread idea (originated from the works of V. Ya. Propp and B. N. Putilov), the variability of Russian epic songs is rather limited, which determines the latter's value-semantic integrity and inner coherence, presupposing, according to the author of the article, an extra-aesthetic function: bylinas were intended to strengthen – or vice versa to devalue – certain axiological categories in the listeners' consciousness. This allows one to derive a formula for a certain bylina plot, to choose this plot's structurally significant episodes from different bylina records (including the ones of late and fragmented nature), and then to compile a resulting compendium on their basis. By way of illustration, the author of the article suggests his reconstruction of the plot «Vasily Buslaev and the Novgorodians».

Keywords: bylinas, axiological analysis, extra-esthetic function, value dominant, consolidated text.

Authors Info: Mironov, Arseny S. – Ph. D. in Philology, Dr. in Philosophy, Rector of the K. G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management (Moscow, Russian Federation), E-mail: arsenymir@yandex.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4344-6489>

For citation: Mironov, A. S. 2023. BYLINAS' EXTRA-AESTHETIC FUNCTION AS A BASIS FOR THE MODELING OF EPIC PLOTS' INVARIANTS. *Tradition and modernity (Traditsii i sovremennost)* 34: 19–41

